

Шаповалов Сергей Николаевич

кандидат исторических наук,
преподаватель кафедры истории и культурологии
Кубанского государственного университета

**ПРАКТИКА ПРОВЕДЕНИЯ
АНТИРЕЛИГИОЗНЫХ ПРАЗДНИКОВ
НА КУБАНИ В 1920-Е ГГ.**

Аннотация:

В статье исследуется практика организации и проведения антирелигиозных комсомольских праздников на Кубани в 1920-е гг. Рассмотрены основные праздничные формы «красных праздников». Реконструирован опыт антирелигиозных празднований в городской и сельской местности Кубани. Продемонстрирована устойчивость традиционных религиозных праздников в рассматриваемый период.

Ключевые слова:

антирелигиозный праздник, клуб, «Комсомольская пасха», «Комсомольское рождество», комсомольская молодежь, Кубань, периодическая печать, повседневность, постановка, станица.

Shapovalov Sergey Nikolaevich

PhD in History,
Lecturer, History and Cultural Studies Department,
Kuban State University

**THE PRACTICES OF CARRYING OUT
OF ANTIRELIGIOUS HOLIDAYS
IN KUBAN IN THE 1920-S**

Summary:

The article studies the practice of organization and carrying out of antireligious Komsomol holidays in Kuban in the 1920-s. The main festive forms of "red holidays" are considered. The author retraces the experience of antireligious celebrations in urban and rural areas of Kuban, and highlights the sustainability of traditional religious holidays during the considered period.

Keywords:

antireligious holiday, club, "Komsomol Easter", "Komsomol Christmas", Komsomol youth, Kuban, periodicals, everyday life, staging, village.

Завершение Гражданской войны в стране и постепенная стабилизация социально-политической жизни создали некоторые условия для более широкого вовлечения населения в формирующуюся социалистическую культуру. Для нее было характерно создание и пропаганда новой системы ценностей и взглядов, отрицание значительной части исторического и культурного наследия дореволюционной эпохи, попытка создать и воспитать «нового человека». Важной составляющей новой культурной парадигмы было формирование безрелигиозного общества.

Претворение в жизнь идеи построения безрелигиозного общества фактически началось с принятия в 1918 г. декретов СНК «О свободе совести, церковных и религиозных обществах» и «Об отделении церкви от государства и школы от церкви». Они устанавливали светский характер власти, так как действия государственных и общественных учреждений переставали сопровождаться религиозными обрядами и церемониями, провозглашали свободу совести и вероисповедания, разрушали многовековой союз государства и Русской православной церкви, лишали религиозные организации каких-либо прав собственности и статуса юридического лица, закладывали основу для развертывания атеистической пропаганды.

Очевидно, что с принятием декретов были созданы лишь юридические механизмы для борьбы с религиозными культами. Процесс вытеснения религии из общественного сознания и повседневной жизни населения носил весьма длительный, неоднозначный и противоречивый характер и сопровождался использованием разнообразных средств, методов и инструментов.

Вследствие этого антирелигиозная политика государственных, партийных и советских органов включала в себя различные направления, в том числе вытеснение религиозных праздников из повседневной жизни населения и замена их советскими безрелигиозными торжествами. С этой целью общественность вела широкую пропаганду против религиозных праздников, одновременно создавая условия для развития праздников революционных. Такая политика давала определенный результат [1, с. 181]. Подобная практика получила широкое распространение в 1920–1930-е гг., но не везде сопровождалась одинаковыми результатами.

На Кубани практика вытеснения религиозных праздников из повседневной жизни населения и замены их советскими четко прослеживается с 1923 г., когда началось проведение «красных комсомольских» праздников. В рамках этого направления антирелигиозной деятельности в начале января 1923 г. в Краснодаре было устроено «Комсомольское рождество». По имеющимся данным, первое антирелигиозное торжество проводилось только в городской местности, так как в станицах и селах подавляющее большинство жителей были глубоко верующими людьми и не могли поддерживать проведение подобных мероприятий, а также спокойно взирать на них. Кроме

того, местные комсомольские и антирелигиозные организации не располагали в сельской местности достаточными материальными и пропагандистскими ресурсами.

«Комсомольское рождество» в Краснодаре включало в себя «сочельник» и само празднование. «Сочельник» был проведен 6 января 1923 г. в зале Рабфака. По данным периодической печати, на нем присутствовало около 150 человек. Вечер начался с доклада, посвященного религиозным темам, во время которого одновременно давались ответы на вопросы присутствующих. По его завершении участникам «сочельника» была представлена антирелигиозная пьеса «Рождество попа Сергия». Антирелигиозное празднование продолжалось до глубокой ночи и проходило в форме танцев и игр.

На следующий день, 7 января, комсомольцы вышли на улицы в сопровождении оркестра и несли в руках красные знамена, метлы и лопаты. Они совершили шествие по городу, распевая революционные песни и выкрикивая антирелигиозные лозунги. Участники шествия отправились в рабочие кварталы города, где провели уборку улиц [2].

Как видно из приведенного свидетельства, «Комсомольское рождество» в Краснодаре носило весьма скромный и малолюдный характер. Его участниками в подавляющем большинстве были представители молодежи, готовые поддержать антирелигиозные инициативы и мероприятия.

Для сравнения обратимся к опыту проведения «Комсомольского рождества» в соседнем Ростове-на-Дону. Здесь еще в начале декабря 1922 г. была создана комиссия для организации предстоящего мероприятия. О серьезном отношении к нему можно судить по тому факту, что Донком РКП(б) на своем заседании специально рассмотрел вопрос о делегировании своего представителя в комиссию [3, л. 55б].

26 декабря 1922 г. на заседании Донкома РКП(б) были приняты последние указания о проведении комсомольского праздника, в частности, поручалось «провести на партийных собраниях доклады о «Комсомольском рождестве», в рабочие клубы выделить докладчиков, принять меры по линии милиции и ГПУ об установлении соответствующей охраны, циркулярно предложить районным комитетам необходимость руководства процессиями, привлечь красноармейцев к участию в них. Процессии начать в 5 часов вечера. Хозяйственным органам выделить средства для проведения рождества» [4].

В день празднования «Комсомольского рождества» в Ростове-на-Дону его участники устроили «крестный ход» вокруг собора Александра Невского. Вместо хоругвей они несли чучела богов и святых. Среди них были фигуры Иеговы, Аллаха, Будды, Иисуса Христа, Божьей Матери и Николая Угодника. На площади перед собором произносились антирелигиозные доклады и проводились митинги. Вечером на Таганрогском проспекте состоялось «сожжение богов». Как отмечала местная пресса, «это был не виданный еще ни разу в Ростове многолюдный карнавал комсомольцев с фабричной и заводской молодежью» [5]. Не всем жителям города было по нраву происходившее на улицах города, и они открыто выражали свою позицию.

Первый опыт «Комсомольского рождества» партийными организациями в центре и на местах был признан вполне удачным [6]. В то же время отмечалось, что оно не обошлось и без инцидентов и просчетов, которые выразились в оскорблении чувств верующего населения. Эта проблема рассматривалась на заседании Антирелигиозной комиссии ЦК РКП(б) 17 января 1923 г. На нем был озвучен отчетный доклад о прошедшем праздновании, в котором отмечалось: «Имеющиеся данные позволяют считать праздник... удавшимся, несмотря на целый ряд мелких и ненужных нетактичностей. В виде примера сошлемся на имевшие место в целом ряде городов остановки процессий перед церквями с шумными демонстрациями антирелигиозных чувств...» [7, с. 357].

Полученный антирелигиозный опыт планировалось применять и во время других религиозных праздников. Поэтому уже 27 января 1923 г. членами Антирелигиозной комиссии ЦК РКП(б) обсуждался вопрос об организации «Комсомольской пасхи». Было принято решение более эффективно использовать шествия в пропагандистских целях и расширить базу участников шествий, вовлекая в них членов партии, рабочих, красноармейцев (только по принципу добровольности) и допризывников [8, л. 7].

Однако вопреки этому решению при разработке плана «Комсомольской пасхи», который был принят 19 февраля 1923 г., было утверждено, что празднование должно носить углубленно пропагандистский характер и не выноситься на улицу в виде шествий и карнавалов [9]. На этот счет губернским комитетам были разосланы достаточно подробные инструкции, в которых отмечалось: «ЦК категорически запрещает устройство каких бы то ни было уличных демонстраций и карнавалов и предлагает сосредоточить кампанию исключительно в стенах клубов и предприятий...» [10].

Исполняя это решение, на местах перенесли празднование «Комсомольской пасхи» в закрытые помещения. Для этого в Краснодаре с середины марта 1923 г. интерьеры рабочих клубов

украшались цветами, лозунгами и плакатами антирелигиозного содержания. На плакатах размещалась информация о том, что подобно Христу боги были и у язычников, проводились и другие сравнения христианских и языческих верований.

С середины марта 1923 г. драмкружки ставили в клубах спектакли антирелигиозного и революционного характера. В основном это были пьесы собственного сочинения, высмеивавшие местного попа и церковь. После спектаклей в клубах устраивались игры для молодежи. Накануне праздника в прессе была проведена агитация против празднования традиционной Пасхи. В ряде статей предлагалось превратить Пасху в «праздник весны», в «праздник пролетариата» [11].

На основании решения, принятого Антирелигиозной комиссией ЦК РКП(б) весной 1923 г., комсомольские праздники на Кубани в последующие годы проходили без митингов, шествий и антирелигиозных демонстраций. Борьба с религией переносилась с улицы в кружок естествознания и истории, в клубы и школы. Антирелигиозная пропаганда велась главным образом путем организаций диспутов и лекций [12, с. 100].

На Кубани местные агитпропы и комитеты комсомола готовили антирелигиозные лекции и беседы и ставили их в рабочих клубах и закрытых помещениях. В дни религиозных праздников профсоюзные клубы работали до трех-пяти часов утра, проводя в противовес церковным службам «новые» советские обряды, выступления «живых газет» и другие мероприятия. В антипасхальную кампанию в профессиональных клубах проводились доклады, лекции, демонстрации кинофильмов, постановки пародийных и антирелигиозных пьес, семейные вечера с концертами самодеятельности и детские утренники [13, с. 271].

По мере создания и распространения ячеек «Общества безбожников», куда входили представители РКСМ, члены партии и «сознательные» товарищи, антирелигиозная деятельность и организация «красных» праздников стала сосредотачиваться в их руках. К началу 1925 г. только в Краснодаре было зарегистрировано более двадцати ячеек «Общества безбожников». Они создавались при клубах, предприятиях, учебных заведениях из активных безбожников тех или иных учреждений. Члены «Общества безбожников» вели работу по распространению материалистического мировоззрения не только в трудовых коллективах, но и в своих семьях, а также среди отдельных верующих. Представителей «Общества безбожников» постепенно стали привлекать для организации и проведения комсомольских антирелигиозных праздников.

Как отмечалось выше, антирелигиозные праздники в первые годы проводились преимущественно в городах. Это обуславливалось тем, что партийные и общественные организации не имели достаточного опыта и не могли до конца предугадать реакцию сельского населения, в большинстве своем остававшимся верующим. Были и неудачные примеры антирелигиозной пропаганды. Например, на заседании коллегии агитпропа окружкома РКП(б) Краснодара в августе 1924 г. рассматривался вопрос «О политпросветительской работе среди хлеборобов Дубинки». По сообщению одного из докладчиков, «при проведении антирелигиозной кампании мы были биты местными попами. Результатом было то, что попы начали кампанию по достройке церкви...» [14, с. 492].

Однако уже с середины 1920-х гг. антирелигиозные праздники на Кубани постепенно проникают и в сельскую местность. Отчеты и подробности об их проведении попадают на страницы местной периодической печати. Например, в станице Березанской в 1925 г. «Комсомольское рождество» включало в себя следующие мероприятия. Празднование было организовано местными комсомольцами и проводилось в Нардоме. Вечер начался с доклада секретаря райкома ВЛКСМ «Комсомольское рождество и его значение». После собравшимся была представлена антирелигиозная пьеса «Непослушники». В этот вечер на сцене также появился «поп», который крестился, славил Христа и просил к празднику сала, колбасы и мерку с пудом зерна. Со сцены он уходил нагруженным корзиной с продуктами. По окончании выступлений был сделан перерыв. После на сцене читались антирелигиозные декламации и частушки. Завершился вечер играми и танцами [15].

Как видно из представленного отчета, празднование охватывало преимущественно молодежь, особенно лояльно настроенную к антирелигиозной пропаганде. К сожалению, в отчетах и материалах ничего не сообщается о реакции «взрослого» населения станицы на проведение подобных «красных» праздников и степени их участия в празднованиях. В этой связи нельзя утверждать о глубоком проникновении антирелигиозных праздников в повседневную жизнь сельского населения и вытеснения ими религиозных празднеств.

«Комсомольское рождество» в станице Березанской в 1925 г. было далеко не единственным праздником в сельской местности, о котором сообщала местная пресса. Просто сами антирелигиозные праздники проводились по схожему сценарию. В частности, аналогичное празднование было организовано в станице Холмской.

Вместе с тем в сельской местности продолжали праздновать «обычное» традиционное Рождество с присущими ему обрядовыми действиями. Подобные праздники также освещались в

периодической печати, но с нескрываемым негативным контекстом. Так, в сообщении о Рождестве в станице Усть-Лабинской отмечалось, что «старый дикий обычай – устраивать на Рождество кулачные бои сохранился и до сего времени. Молодежь стеной идет на молодежь, и дело кончается увечьями и для многих несколькими днями отсидки» [16].

Не всегда тщательно продуманные и спланированные меры антирелигиозной политики, реализуемые как во время проведения комсомольских праздников, так и советских торжеств, вызывали возмущение верующего населения и даже попадали на страницы печати. Так, в газете «Красное знамя» в 1925 г. вышла статья с красноречивым заголовком «Так бороться с религией не годится». В ней сообщалось об опыте празднования Дня ниспровержения самодержавия в станице Тимашевской в марте 1925 г. По случаю праздника были устроены митинг и инсценировка. Во время последней импровизированный хор монашек запел «Спаси господи». В результате многие из присутствующих, в особенности старики и старухи начали креститься и бить земные поклоны. В довершение всего верующие сильно возмутились, когда свергая самодержавие, участники инсценировки стали ломать кресты, хоругви и другие предметы культа [17].

Подобные случаи, а также рекомендации от местных агитпропов привели к более взвешенному подходу при планировании антирелигиозных праздников. Так, план проведения «Комсомольского рождества» в 1925 г. в Краснодаре подразделялся на две части: празднование в городе и станице. Городской план был разработан с учетом переноса рождественских дней на новый стиль (25 и 26 декабря) и охватывал также дни старого стиля. С 25 декабря по 10 января планировалось открытие антирелигиозных выставок в клубах – «Профинтерн» и «Пролетарий». 25 и 26 декабря проводились лекции и беседы в рабочих клубах. 25 декабря должны были быть организованы антирелигиозные вечера с концертами, постановками и спектаклями для пионеров, комсомольцев, молодежи и красноармейцев. На 27 декабря намечались вечера для рабочих и членов профсоюзов.

Антирелигиозная работа в городе продолжалась и после наступления нового года. 7 января 1926 г. в рабочих клубах должны были проводиться антирелигиозные вечера для членов союзов и их родственников. Для комсомольцев и представителей других групп молодежи вечера проводились 9 января. С целью максимального вовлечения молодежи и населения в антирелигиозные празднования 10 января 1926 г. по городским районам должны были проводиться детские утренники, а в Доме крестьянина клубный антирелигиозный вечер.

«Комсомольское рождество» в станице включало в себя гораздо меньшее число мероприятий. С 25 декабря должны были проводиться собрания с беспартийной молодежью на тему «Значение и подготовка к рождеству», а также антирелигиозные вечера. 7 января 1926 г. в Нардоме или школе должны проходить вечера, посвященные «Комсомольскому рождеству». На вечерах планировались доклады о праздниках христианских и рабоче-крестьянских, а также клубная постановка, затрагивающая тему крестьянского быта [18].

Несмотря на то что комсомольцы фактически были «инициаторами» и активными участниками антирелигиозных праздников, со второй половины 1920-х гг. на Кубани они фактически были лишены возможности самостоятельно устраивать праздники. На это их ориентировали многочисленные инструкции по методике организации антирелигиозных праздников. В плане проведения антирелигиозной кампании в 1926 г. отмечалось, что «участие комсомола в проведении антирелигиозной пропаганды должно осуществляться в точной согласованности с ячейкой «Безбожников» [19]. При этом комсомольцев предостерегали от самостоятельных антирелигиозных выступлений и прежних шумных и антирелигиозных выкриков. Комсомольцы должны были принимать участие в антирелигиозной кампании, проводимой как в городе, так и сельской местности.

Тем не менее ни привлечение к антирелигиозным праздникам членов «Общества безбожников», ни вовлечение в антирелигиозную пропаганду и празднования более широких масс, ни более тщательная подготовка и многочисленные инструкции не позволяли окончательно вытеснить религиозные праздники из повседневной жизни населения. Об этом свидетельствуют довольно многочисленные сообщения об отмечаении религиозных праздников в различных населенных пунктах Кубани в конце 1920-х гг.

Так, по несколько тенденциозному сообщению периодической печати, в станице Пластунской на хуторе Ленинском «вовсю праздновали старое Рождество. Почти все дворы варили самогон. Пили все, от стариков до младенцев. Граждане ломали двери школы и бомбардировали камнями гостей, ехавших с пьяного хутора по домам» [20].

Более многочисленны свидетельства о праздновании традиционной Пасхи в 1929 г. В станице Незамаевской к религиозным праздникам продавали фигурки «ангелочков», «христосиков», «барашек» и другие атрибуты Пасхи. В станице Ново-Джерелиевской все население в страстную пятницу отправилось в церкви. В станице Архангельской в школе должен был состояться антирелигиозный вечер, но шефы не приехали, и вечера не было. Поэтому церкви были набиты до

отказа [21]. Жители станицы Новокорсунской ждали на Пасху кинокартину, но ее так и не показали, а заменили волшебным фонарем, который все уже успели посмотреть накануне. В результате публика позевала и кто со скуки, а кто просто так направились в церковь. В станице Старокорсунской в пасхальную ночь колокола звучали особенно торжественно, а кружки безбожников бездействовали.

Были и обратные примеры, когда тщательно спланированные и хорошо организованные антирелигиозные мероприятия отвлекали население от посещений религиозных организаций и празднований церковных торжеств. Например, во время Пасхи в 1929 г. в станице Старовеличковской в пасхальные дни все местные профячейки постановили Пасху не праздновать, а производить работу как в обыкновенный день. Вокруг одной из церквей пристроили громкоговорители и развлекали молодежь [22].

Таким образом, в 1920-е гг. для Кубани была характерна практика проведения антирелигиозных праздников. Основную роль в организации и проведении подобных праздников играла комсомольская молодежь и ячейки «Общества безбожников». Антирелигиозные праздники преимущественно проводились в специальных закрытых помещениях, чтобы избежать столкновений с верующими гражданами. По мере накопления опыта проведения антирелигиозных праздников они стали охватывать не только городское, но и сельское население. Однако в сельской местности на протяжении рассматриваемого периода были сильны позиции верующего населения, и зачастую вместо участия в антирелигиозных празднествах жители охотнее шли в церковь, справляя праздник более привычным способом. Анализ материалов периодической печати и архивных дел позволяет утверждать, что в 1920-е гг. религиозные праздники не были вытеснены из повседневной жизни населения Кубани.

Ссылки:

1. Федина И.М. Модификация массовых праздников в Кубано-Черноморской области в 20-е годы XX в. // Твердовские чтения : сб. материалов регионал. науч.-практ. конф. Краснодар, 2011.
2. Красное знамя. 1923. 13 янв.
3. Центр документации новейшей истории Ростовской области (ЦДНИРО). Ф. 4. Оп. 1. Д. 137.
4. Там же. Л. 60.
5. Трудовой Дон. 1923. 7 янв.
6. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 60. Д. 509. Л. 6 ; ЦДНИРО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 166. Л. 15.
7. Архивы Кремля. Политбюро и Церковь 1922–1925 гг. М. ; Новосибирск, 1997. Кн. 1.
8. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 60. Д. 509.
9. Там же. Л. 12–13.
10. Там же. Л. 14.
11. Данский Б.Г. Пасха и Первое мая // Красное знамя. 1923. 8 апр. ; Ингулов С.Г. Наши праздники // Там же.
12. Куценко И.Я. Революция и культура. Очерки истории борьбы партийных организаций Северного Кавказа за осуществление культурной революции в 1918–1932 годах. Краснодар, 1973.
13. Чупрытников С.А. Профессиональные союзы Кубани (1905–1930). Краснодар, 2009.
14. Екатеринодар – Краснодар: два века города в датах, событиях, воспоминаниях... Материалы к Летописи / ред.-сост. И.Ю. Бондарь. Краснодар, 1993.
15. Красное знамя. 1925. 13 янв.
16. Красное знамя. 1925. 20 янв.
17. Красное знамя. 1925. 25 марта.
18. Красное знамя. 1925. 24 дек.
19. Красное знамя. 1926. 25 дек.
20. Красное знамя. 1929. 26 янв.
21. Красное знамя. 1929. 28 мая.
22. Там же.

References:

1. Fedina, IM 2011, 'Modification of mass celebrations in the Kuban-Black Sea region in the 20s of XX century', *Tverdovskiy reading: Sat. Regions materials. scientific and practical. conf.*, Krasnodar.
2. *Red Flag* 1923, January 13.
3. *Documentation Centre of the modern history of the Rostov region (TSDNIRO)*. f. 4, op. 1, d. 137.
4. *Documentation Centre of the modern history of the Rostov region (TSDNIRO)*. f. 4, op. 1, d. 137, l. 60.
5. *Labor Don* 1923, 7 January.
6. *Russian State Archive of Socio-Political History (RGASPI)*. f. 17, op. 60, d. 509, l. 6; *TSDNIRO*. f. 4, op. 1, d. 166, l. 15.
7. *Archives of the Kremlin. The Politburo and the Church 1922–1925* gg. 1997, Moscow; Novosibirsk, book. 1.
8. *RGASPI*. f. 17, op. 60, ad 509.
9. *RGASPI*. f. 17, op. 60, ad 509, l. 12-13.
10. *RGASPI*. f. 17, op. 60, ad 509, l. 14.
11. Danskiy, BG 1923, 'Easter and May Day', *Red Flag*, 8 April ; Ingulov, SG 1923, 'Our holidays', *Red Flag*.
12. Kucenko, IJ 1973, *Revolution and culture. Essays on the history of the struggle of the party organizations of the North Caucasus for the implementation of the Cultural Revolution in 1918–1932, respectively*, Krasnodar.
13. Chuprynnikov, SA 2009, *Trade unions Kuban (1905–1930)*, Krasnodar.

14. Bondar, IY (ed.) 1993, *Ekaterinodar - Krasnodar: two centuries of the city in dates, events, memories ... Materials for the Chronicle*, Krasnodar.
15. *Red Flag* 1925, January 13.
16. *Red Flag* 1925, January 20.
17. *Red Flag* 1925, March 25.
18. *Red Flag* 1925, December 24.
19. *Red Flag* 1926, 25 December.
20. *Red Flag* 1929, January 26.
21. *Red Flag* 1929, May 28.
22. *Red Flag* 1929, May 28.